

Международный олимпийский комитет глазами господина Мейера*

Рюдигер Фриц¹, Фолькер Клюге

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет о фотографере Альберте Мейере, который впервые запечатлел на фотографии членов первого состава Международного олимпийского комитета. Показаны мастерство Мейера и тщательность, с которой фотограф выстраивал свои снимки, детализируя размещение всех тех, кто должен присутствовать на фото. Отмечено, что Мейер сделал прекрасную работу для олимпийского движения. Без его снимков мы бы узнали гораздо меньше об Играх в Афинах 1896 года.

SUMMARY

The paper is about a photographer Albert Meyer who was the first one to immortalize on the photos the members of the International Olympic Committee. The skills of Meyer is shown along with the care with which the photographer had composed his shots detailing the placement of all those who should be present in the photo. It is noted that Meyer did a splendid job for the Olympic movement. Without his shots we would learn much less about Olympic Games in Athens 1896.

Впервые перед объективом: Международный олимпийский комитет, точнее, семь его членов, которые приняли участие во второй сессии МОК в 1896 г. в Афинах (слева направо): д-р Виллибальд Гебхардт (Германия), генеральный секретарь Пьер де Кубертен (Франция), Иржи Гут (Чехия), президент Димитриос Викелас (Греция), Ференц Кемень (Венгрия), генерал Алексей Бутовский (Россия) и майор Виктор Бальк (Швеция)

Фото: архив Фолькера Клюге

В своих воспоминаниях Пьер де Кубертен в «Comite International des Jeux Olympiques» описал Международный олимпийский комитет с момента его основания 23 июня 1894 г.:

Мне предоставили свободу действий в выборе членов МОК. Предложенные кандидатуры были избраны без каких-либо поправок; [...] Никто, казалось, не заметил, что я выбрал почти исключительно отсутствующих членов. Так как их имена фигурировали в длинном списке «почетных членов Конгресса», люди призывали к ним, и нетрудно было предположить, что они были безальтернативными кандидатурами для выполнения поставленных задач [1].

Из 13 человек, объявленных Кубертенем, в Париже фактически проживали только шесть [2]. При всем при том к 1904 г. он начал рассматривать этот Конгресс в качестве первой сессии.

Вольф Либберг, специалист в области истории заседаний МОК, бывший когда-то почет-

* Перепечатано из: Journal of Olympic History. – 2016. – N 1. – P. 4–15.

ным членом ISON, занимал альтернативную точку зрения и трактовал это название как «весьма спорное» [3]. По его мнению, такое определение не было оправданным до тех пор, пока не прошла Ассамблея в 1896 г. в Афинах, на которой семь членов обсудили настоящее и будущее своего Комитета.

Встреча 9 апреля 1896 г. [4] состоялась в доме, принадлежащем немецкому издателю Вильгельму Барту. Викелас проживал там же. Заседание началось с предложения венгра Ференца Кеменя сделать фотографию членов Комитета в рабочей обстановке [5]. Так как идея получила всеобщее одобрение, Викелас попросил генерального секретаря Оргкомитета Афин Тимолена Филимона организовать съемку.

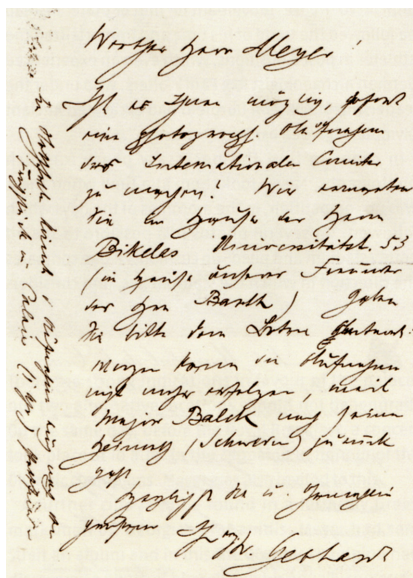
По причинам, не вполне понятным сегодня, эта задача легла на плечи не Филимона, а доктора Виллибальда Гебхардта, который в конце 1895 г. основал Немецкий комитет по участию в Играх в Афинах. С 13 марта 1896 г. он был единогласно выдвинут в качестве члена МОК. Кубертен принял это, хотя хотел

Альберт Мейер (1857–1924) отправился в Америку в возрасте 24 лет, где обучался фотографии. С 1883 г. он жил в Берлине, где у него были две большие фотостудии

9 апреля 1896 г. Ференц Кемень предложил сфотографировать членов МОК в рабочей обстановке. В этом письме его коллега, доктор Виллибальд Гебхардт, попросил фотографа Альберта Мейера прийти в дом немецкого издателя Вильгельма Барта

Иллюстрация: архив Рюдигера Фрица

бы получить члена с более высоким титулом и большим социальным влиянием [6].

Тем не менее в тот же день фотограф Альберт Мейер, который путешествовал с немецкой командой в Афины, получил через посылного наспех написанное письмо от Гебхардта, в котором говорилось:

Уважаемый господин Мейер!

Не могли бы Вы немедленно сделать фотографию членов Международного комитета? Мы будем ждать Вас в доме г-на Викеласа, по адресу «53 University Street» [7] (в доме нашего друга господина Барта). Пожалуйста, дайте ответ посылному. Завтра сфотографироваться будет невозможно, так как майор Бальк возвращается домой в Швецию.

Сердечный привет Вам и Вашей жене

Преданный Вам,

В. Гебхардт [8]

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Альберт Мейер владел двумя хорошо известными студиями в Берлине с филиалами на Балтийском море. Он не довольствовался лишь моментальным снимком, поэтому разместил членов МОК за столом в соответствии с их рангом. Трое сидели – Викелас, Кубертен и генерал Бутовский, остальные четверо – Гебхардт, Гут, Кемень и Бальк – стояли.

Картина с идеально выстроенной композицией представляет собой маленькое произведение искусства. Президент пристально смотрит в объектив. Справа от него генераль-

ный секретарь, погруженный в атмосферу озабоченности. Слева от Викеласа – само воплощенное величие – «пожилой президент» из России. Молодые господа, стоящие позади, имеют соответствующую позу для рядовых членов. По краям – Гебхардт и Бальк (его левая рука сжимает саблю), который смотрит заинтересованно из-за плеча сидящего перед ним. Посередине, глядя прямо перед собой, располагаются два педагога: Гут и Кемень.

По мнению Либберга, эта фотография была сделана 10 апреля (по юлианскому календарю 29 марта), что может быть сомнительно. Известно, что Мейер не ездил в Афины, чтобы сфотографировать джентльменов в темных костюмах. Он предпочитал фотографировать спортсменов на «Всемирных Играх», когда они были облачены в старинные костюмы, как он изображал Олимпийские игры в письмах и открытках [9].

Если посылный действительно добрался до него 9 апреля, у фотографа, конечно, были более важные дела во второй половине дня, хотя Гебхардт обратился с просьбой прийти сразу же.

Гимнастические соревнования на стадионе должны были начинаться в 2.40 дня. Немцы уповали на победу в соревнованиях в этом виде спорта. Если Мейеру необходимо «алиби», где он был в это время, то мы предполагаем хорошо известными фотографиями командных соревнований на брусках и перекладине.

Тем не менее Мейер был также незаменим и на следующий день – 10 апреля (29 марта).

Стоит только взглянуть на программу. В 10 часов утра гимнастические соревнования, где доминировали немцы, были продолжены, и во второй половине дня Игры достигли своей кульминации: в 2.30 прошел финал забега на 100 м, в половине четвертого – борьба, которая была прервана в пять часов, когда греческий бегун Спиридон Луис первым ворвался на стадион в марафонской гонке. 70 тыс. человек в одном порыве разразились криком «Эллада, Эллада!». А соревнования по борьбе были возобновлены на следующий день.

Мейер не был «мужланом». Родившийся в Дрездене, он уехал в США в возрасте 24 лет, чтобы учиться на фотографа. Проживая в Берлине с 1883 г., он успел приобрести великолепных клиентов, среди которых был его государь, король Саксонии, чей портрет был сделан во время его визита в санаторий в Бад-Эмсе. В благодарность король назначил его впоследствии «придворным фотографом». Специализуясь в постановочной фотографии, Мейер очень хорошо знал, как выгодно подать выходящих людей.

Когда фотографии, которые он сделал в Афинах, сравнили со снимками его греческих коллег, оказалось, что художественная ценность их фотографий находится на зачаточном уровне. Мейер не делал моментальных снимков. В те дни технологии не позволяли «заморозить» движение на пленке или пластинке. Вместо этого он следовал традициям своего времени – которые считал «весьма поучительными», по мнению опытного немецкого археолога Поля Уолтерса, принимавшего участие в раскопках Древней Олимпии под руководством Вильгельма Дёрпфельда – и увековечивал позирующих спортсменов [10].

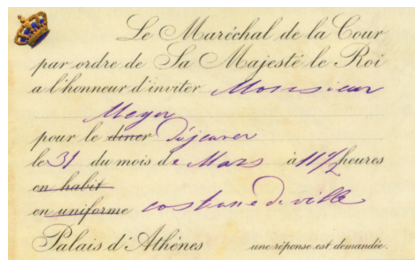
Чтобы создать подходящую спокойную обстановку для таких фотографий, Мейер снимал спортсменов в то время, когда они не соревновались – утром следующего дня. На некоторых фото видны пустые трибуны стадионов и уложенные в пакеты подушки. Если сравнить направление расположения стадиона и направление тени спортсмена, можно вычислить, что фото, демонстрирующее немецкого олимпийского чемпиона на параллельных брусьях Альфреда Флатова, возможно, делалось между 10–11 часами утра.

Мейер не был отнюдь таким мобильным, как надеялся Гебхардт, так как работал с фиксированной крупноформатной деревянной камерой. Размер стеклянных негативов, на которые был нанесен светочувствительный слой, был 18 × 24 см для больших пла-

У Мейера была привычка постановки своих снимков. Однажды утром на пустом стадионе он фотографировал немецкого олимпийского чемпиона на параллельных брусьях Альфреда Флатова. При сравнении тени гимнаста с расположением стадиона, можно предположить, что фото было сделано между 10–11 часами утра

Фото: архив Фолькера Клюге

Приглашение Мейера на королевский завтрак 12 апреля 1896 г. (31 марта)

Иллюстрация: архив Рюдигера Фрица

стин и 13 × 18 для пластин меньшего формата [11]. Особенностью было то, что их обрабатывали на месте в светонепроницаемом кожухе.

Оборудование включало переносной штатив, на котором монтировалась камера. Чтобы обслуживать этого монстра и переносить тяжелую коробку со стеклянными негативами, Мейеру требовался ассистент, которого можно узнать на фото, сделанном его греческим коллегой Панцопулосом во время церемонии награждения 15 апреля [12].

ОБЕД ИЛИ КОРОЛЕВСКИЙ ЗАВТРАК ВО ДВОРЦЕ

Пока еще не ясно, когда и где делали снимок членов МОК. Бальк, по информации Гебхардта, планировал уехать самое позднее 10 апреля. Местом съемки мог быть дом Барта на University Street, где члены МОК встречались 9 и 10, а затем и 14 апреля [13], вероятно, в конце пребывания Балька, который, скорее всего,

Второе фото членов МОК с принцами и представителями Оргкомитета, которое, как и первое, возможно, было сделано в королевском дворце и подтверждено надписями на этих фотографиях

его продлил [14]. Этому факту противоречит второе фото, имеющееся в нашем распоряжении, на котором Мейер запечатлел не только членов МОК, но и греческих принцев с доктором Георгом Стрейтом и полковником Ификратисом Коккидисом, руководящими членами Оргкомитета [15]. Не похоже на то, что МОК предложил их королевским высочествам посетить рабочее помещение иностранного издателя для коллективного фото.

Сравнение фотографий показывает, что обе, бесспорно, были сделаны в одном и том же месте. Принцы сидят на тех же стульях, что и члены МОК на своем фото, которое было сделано либо до, либо после. На заднем плане видна лестница, задрапированная папье-маше. К тому же облицовка – возможно мраморными плитками бордюра – идентична.

Для полной уверенности относительно места съемки полезно взглянуть на комментарий Гебхардта, который он нацарапал на краю письма: «Как бы там ни было, фото могло быть сделано после завтрака во дворце (1 апреля)» [16].

Как видно из приглашения, король Георг I приветствовал представителей зарубежной прессы и олимпийцев – представителей иностранных делегаций 31 марта (12 апреля) в большом зале своего дворца. Стол для 260 гостей был установлен в виде буквы «П». Мейер был в числе приглашенных, как и члены МОК.

Требования к дресс-коду были минимальные, особенно для спортсменов, поэтому мно-

гие пришли в повседневной одежде; хотя некоторые, особенно американцы, – в куртках, а один даже в велосипедном трико. Только венгры были одеты сообразно ситуации в черные костюмы [17].

Исходя из того что все изображены в ослабленном состоянии, скорее всего, эти фотографии были сделаны в тот же день. Дополнительным подтверждением является третье фото, изображающее победителя марафона Спиридо-на Луиса, который был звездой этого приема.

Сразу после его триумфа афиняне тщательно зывали к своему герою, который фактически сбежал задолго до этого, чтобы избежать восторга толпы. В тот же вечер Луис отправился в свою родную деревню Амарусси. [18]. Там он отпраздновал победу с семьей и друзьями. Через два дня он появился вновь – в сопровождении отца – в замечательной фустанелле, греческом мужском национальном костюме, подаренном ему Этнологическим музеем в знак победы.

Все, что остается скрытым на большинстве снимков, подготовленных Мейером с этого негатива, можно разглядеть на оригинале без ретуши. На заднем плане можно рассмотреть не только упомянутые лестницы, но также портал в двойном обрамлении листьями, ведущий к внушительному зданию. Был ли это вход в королевский дворец, к сожалению, сейчас невозможно установить, так как он сгорел на Рождество 1910 г. [19].

Существуют веские основания в пользу этого дворца, но не следует игнорировать еще

две альтернативные локации. В тот же день перед королевским завтраком прошел концерт в 10 часов утра в Цаппеоне в честь олимпийских чемпионов. Мейер также был приглашен туда.

Следующий ключ к разгадке можно найти в письме греческого стрелка доктора Георгиоса Орфанидаса. Мейер отправил Стрейту альбом и в нем олимпийский чемпион нашел свое фото и своих не менее успешных соотечественников Карасевдаса и Франгудиса, в котором он написал «Вы сфотографировали меня во дворе немецкой школы» [20].

Даже если напольная плитка и полосы обрамления до сих пор узнаваемы, они подобны тем, что и на тех трех фотографиях. Скорее всего, этот снимок был сделан на следующий день, так как соревнования, которые выиграл Орфанидас 12 апреля, длились до часу дня, и проходили на стрелковой арене в Каллитее [21].

Тщательность, с которой Майер выстраивал свои снимки, особенно видна на менее известной фотографии членов МОК с представителями греческой знати. Трое сыновей короля сидят по старшинству – на переднем плане: в центре – кронпринц Константин, президент Организационного комитета [22]. Справа от него – его заместитель Георгиос, на один год его моложе, который был также председателем комиссии по морским соревнованиям, слева – 24-летний Николаос, который возглавлял комиссию по стрелковому спорту.

Запись на обратной стороне фотографии также указывает на то, что фотограф следовал

Тщательность, с которой Мейер осуществлял подготовку к съемке, показана на плане с детализацией размещения всех тех, кто должен появиться на фото

Фото: архив Фолькера Ключе
Иллюстрация: Архив Рюдигера Фрица

Олимпийский чемпион в марафоне Спиридон Луис был сфотографирован Мейером, возможно, перед той же лестницей и в том же дворце, что и члены МОК. Справа – оригинальное фото, слева – более известное ретушированное изображение

протоколу. Взгляд Викеласа как президента направлен между двумя старшими принцами, взгляд Кубертена как генеральный секретаря – между самым старшим и самым младшим принцами. Самый высокий из олимпийцев, Кемень, был помещен в центре. Бальк, в военной форме, был на правом крыле, представители организации – слева, конечно, полковник перед гражданским лицом.

Об этой тщательности Мейера свидетельствует нарисованный им эскиз с расположением поз, которые, по его мнению, должны принять его клиенты. В верхней трети эскиза стоят автографы позирующих. Совершенно очевидно, что авторизация снимков повышает их ценность. Чтобы избежать ошибок, каждому был присвоен номер. Для гарантии ему еще раз пришлось все продублировать. Для этого за неимением бумаги он использовал пустой бланк телеграммы [23].

Принцы не визировали эскиз, что могло бы свидетельствовать о явной спешке. Мейер просил об этом Стрейта задним числом [24]. После того как он получил автографы, он скопировал их на стекло негатива и сделал копии.

МЕЙЕР СТАВИТ СЕБЕ ЗАДАЧУ

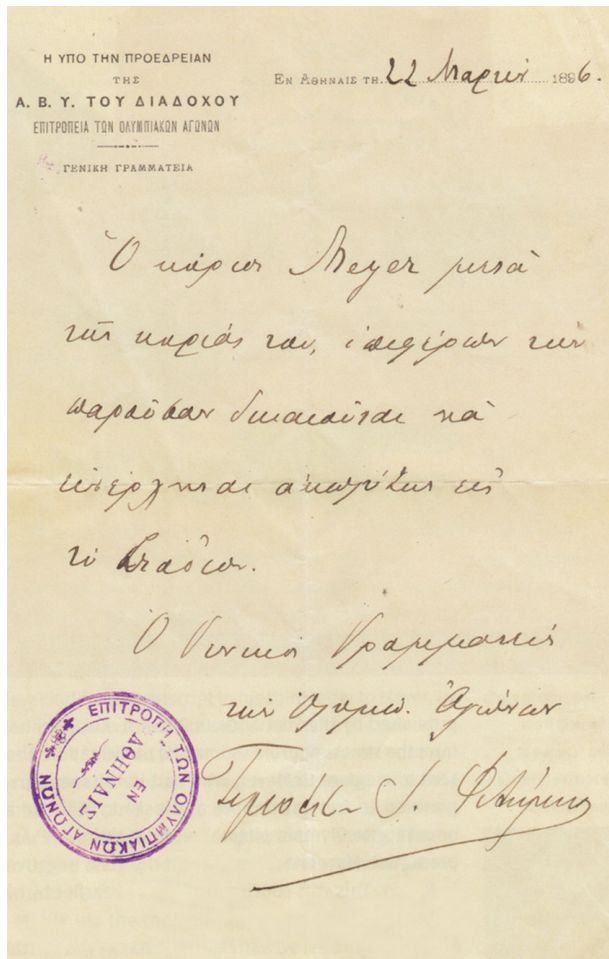
Короткая ретроспектива: 16 января 1896 г. Мейеру стало известно о втором заседании Немецкого комитета по участию. В конце концов, вместе со своей женой Элизабет и приблизительно 80 другими людьми, он принял участие в работе Комитета, который занимался финансовыми вложениями. Нельзя с уверенностью сказать, когда пара приняла решение присутствовать на Олимпийских играх – возможно, когда в своей студии он фотографировал гимнастическую команду, скомплектованную для поездки в Грецию [25]. В сопровождении четырех спортсменов

Мейеры прибыли в Афины 3 апреля (22 марта). Путешествие обошлось в 231 марку на человека, что не было большой суммой для преуспевающего фотографа.

Для уверенного в себе Мейера было достаточно характерно назваться «делегатом» Комитета. Еженедельное издание «Der Tag», издаваемое австрийцем Ллойдом [26], сообщало следующее:

В числе поклонников спорта в поездку отправился немецкий придворный фотограф вместе со своей супругой. В его задачи будет входить подготовка фотоальбома об Играх, который будет им передан королевским домам в качестве подарка [27].

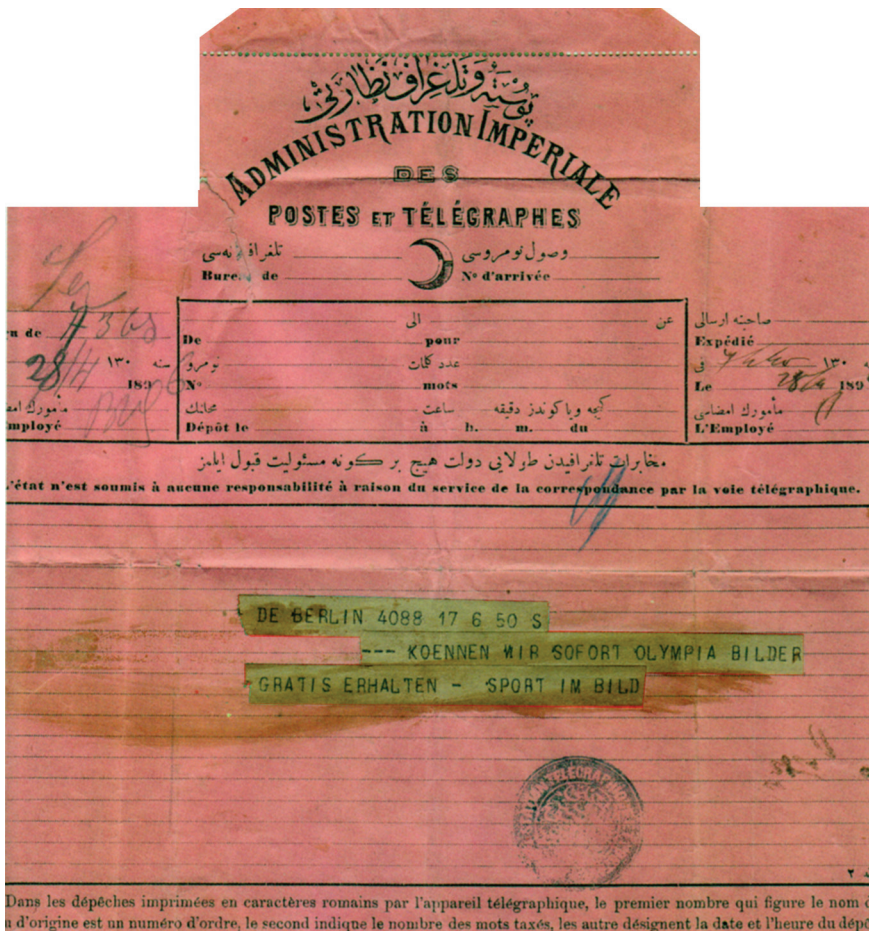
Для аккредитации в Афинах больших формальностей не требовалось. Было достаточно значка с именем Мейера. Кроме того, генеральный секретарь Тимолен Филимон написал рекомендательное письмо на бланке. Это да-

Удостоверение личности в 1896 г.: на фирменном бланке Оргкомитета генеральный секретарь Тимолен Филимон удостоверил право господина и госпожи Мейер на бесплатное посещение всех мероприятий. В качестве пропуска использовался значок

Слева вверху: греческие олимпийские чемпионы по пулевой стрельбе Пантелис Карасевдас, Иоаннис Франгудис и Георгиос Орфанидис (слева направо), которых Мейер сфотографировал в немецкой школе. Орфанидис купил шесть копий по цене 2,50 марок каждая

Фото: Архив Фолькера Клюге

Просьба о помощи из Берлина: «Нельзя ли сразу получить фотографии Олимпиады бесплатно?»
Через две недели после окончания Игр журнал «Sport im Bild» телеграфировал Мейеру. В это время фотограф направлялся в Константинополь. В те времена темп жизни был намного медленнее

Работа фотографа была «как каторга»: Мейер (слева в шляпе и пальто) с ассистентом, который переносил фотооборудование

Фото: архив Фолькера Клюге
Иллюстрация: архив Рюдигера Фрица

вало право супружеской паре беспрепятственно посещать все арены Игр [28].

Обладая определенным бизнес-чутьем, которое в прошлом не раз вызывало подозрение прусской полиции, — они были особенно обеспокоены супермасштабом его рекламы — Мейер серьезно относился к задаче, поставленной перед ним. Даже во время Игр он

предлагал афинским издательствам фотографии. В те времена их газеты преимущественно использовали гравюры. По крайней мере, один рисунок, который появился в «Asgorolis», был основан на его фотографии [29].

Даже потребности немецких СМИ в фотографиях были умеренными. Только тогда, когда спортсмены вернулись и с энтузиазмом

рассказали об Играх, интерес возрос. Журнал «Sport im Bild», издаваемый Скоттом Эндрю Питкерн-Ноулсом, с самого начала поддерживал команду Германии на Играх. Была послана телеграмма Мейеру, который в это время направлялся в Константинополь, с просьбой: «Можем ли мы сразу получить фотографии Олимпиады бесплатно» [30]. В качестве меры предосторожности Мейер уже послал стеклянные негативы в Берлин. Это было подтверждено пятью днями раньше его лабораторией [31].

Неизвестно, передал ли Мейер фотографии в этом случае без оплаты. В любом случае месяц спустя в журнале были опубликованы 15 снимков. Вопрос актуальности был не так важен. Публикация этих снимков означает, что изображения мероприятий в Афинах впервые появились за границей [32]. Были ли тогда кинофильмы? Нет, так как кино было изобретено братьями Люмьер только годом ранее [33].

Хотя газета «Allgemeine Sport-Zeitung» [34] в Вене использовала некоторые из изображений, а Официальный отчет в 1897 г. был почти наполовину заполнен фотографиями Мейера, бизнес приходил в упадок [35]. Он оживился снова только десять лет спустя, когда в 1906 г. в Афинах должны были проходить неофициальные Игры, и в Греции продавались открытки с фотографиями Игр 1896 г.

К этому моменту Мейер уже давно был богатым человеком. В 1901 г. в возрасте 44 лет он смог продать свой берлинский бизнес и жить в Ганновере на частные средства [36]. Из полицейского досье Мейера [37] можно видеть, что после Игр его доходы — отнюдь не случайно — росли как на дрожжах. За 1893 г. его прибыль составляла от 12,500 до 13,500 марок, четыре года спустя — от 16,500 до 17,500 марок [38]. Его состояние, которое в 1893 г. достигало от 90 000 до 100 000 марок, было оценено в 1897 г. как 110,000 — 120,000. Кроме того, Мейер считался предпринимателем, так как в его студиях на него работало 15 человек, в том числе две женщины — приемщицами.

ФОТОШКАТУЛКИ И ФОТОАЛЬБОМЫ ДЛЯ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ

Мейеры покинули Афины 20 апреля 1896 г. Три дня спустя они добрались до Константинополя, где пробыли до 3 мая [39]. Затем они на корабле отправились в Констанцу (Румыния), где сели в «Восточный экспресс» с остановками в Бухаресте и Будапеште и, наконец-то, 16 мая приехали в Берлин [40].

В студии Мейера к этому времени трудилось от десяти до двенадцати человек,

Кейс в кожаном переплете с 34 олимпийскими фотографиями, присланными из имения жены Мейера Элизабет (слева), которая также была фотографом

Фото: Музей спорта, Лейпциг, архив Рюдигера Фрица

которые готовили многочисленные снимки с помощью дорогостоящего метода платиновой печати, — процедура, которая в то время была особенно популярна среди фотохудожников из-за ее художественных средств выражения [41]. Специальный переплетчик изготавливал художественно оформленные альбомы в кожаных переплетах и шкатулки для олимпийских фотографий.

Перед тем как Мейер начал рассылать коллекции, предназначенные для лиц высокого ранга, он послал Кубертену фотографии членов МОК, сделанные во время его президентства в начале новой Олимпиады. Барон был очень доволен и поблагодарил его. Мейер также предложил ему проспект альбома. Кубертен ответил, что он был бы рад подарить такой альбом президенту Франции Феликсу Форю. Но так как тот был в отъезде в последующие неде-

ли, он предложил, что его следует отдать шефу кабинета Луи Ле Галлю, который мог бы затем передать его господину президенту [42]. Очевидно, все произошло по-другому, так как две недели спустя Кубертен связался из Мюнстера и был рад, что подарок Мейера — альбом-ларец — был передан президенту [43].

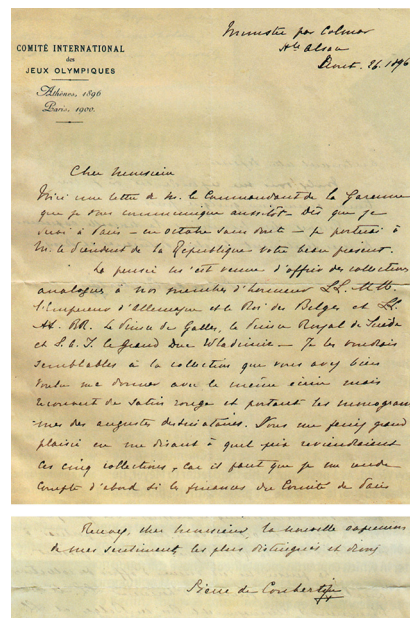
Отдать или продать? Мейер столкнулся с дилеммой, так как спрос на альбомы увеличился. 5 августа Кубертен сообщил ему, что накануне прибыл альбом, предназначенный президенту Франции, а также то, что он сам намерен передать его ему после летнего отпуска [44]. Стратегия Кубертена была ясна. Он старался убедить президента Франции взять под свое покровительство проведение олимпийского конгресса, запланированного на 1897 г., на котором должен быть дан ответ на заявление короля Греции о том, что Олимпийские игры должны постоянно проходить в Греции [45].

Тем не менее какое влияние могло быть тогда у МОК, если в официальном отчете 1896 г. в подписи под иллюстрацией он был назван всего лишь комитетом «в Париже»? [46]. Практически вряд ли кто-то знал о его существовании. За завтраком на королевском приеме Георг I, бесспорно, поблагодарил своих сыновей, Филимона и Греческий Совет Двенадцати, но ни словом не упомянул МОК вообще. Даже у членов МОК не были единого мнения о том, каким должен быть МОК в будущем. Должен ли Комитет быть распущен и восстанавливаться каждый раз перед следующими Играми?

В то постолимпийское лето в Люттенбахе у Кубертена было достаточно свободного

времени, чтобы обдумать значение связей с общественностью. И в Мейере он явно нашел близкого по духу партнера. 26 августа он писал фотографу:

У меня возникла мысль о предложении подобных коллекций его величеству кайзеру Германии, королю Бельгии и принцу Уэльскому, королю Швеции и великому князю Владимиру. Я бы очень хотел, чтобы они выглядели как та, которую вы передали ко мне, то есть та-

Барон считал, что надо более широко пропагандировать Олимпийские игры. Он попросил Мейера послать фотоальбомы немецкому кайзеру, королям Бельгии и Швеции, принцу Уэльскому и Великому Князю Владимиру

Иллюстрация: архив Рюдигера Фрица

кой же ларец, но покрытый красным шелком с тисненной монограммой высокопоставленных получателей. Вы бы доставили мне большое удовольствие, если бы смогли озвучить цену за эти пять коллекций, чтобы иметь представление о том, какие финансовые средства может позволить себе Комитет [47].

Был ли сделан платеж за альбомные шкапулки, установить не удалось.

Игнорирование того факта, что банковский счет постоянно опустошался, привело Кубертену к краху. Тогда как он планировал совершить бросок через Атлантику, чтобы организовать Игры III Олимпиады в США, а также представить Комитет в Новом Свете. В качестве постскрипума к своему третьему письму Мейеру Кубертен просил отправить фотографию членов МОК с принцами доктору Альберту Шоу, в газете которого «Review of Reviews» он иногда публиковался [48]. Насколько серьезно он отнесся к публикации, видно из замечания, сделанного через два месяца, в котором Кубертен жаловался: «Я до сих пор не нашел ни одной копии фотографий в «Review of Reviews». Я обращаюсь в Нью-Йорк с запросом» [49].

Между тем пришло подтверждение от Стрейта о том, что «великолепный альбом» прибыл в Афины. [50] Еще один экземпляр для «Комиссии», вероятно, он имел в виду Оргкомитет, — он передал Филимону. Так как Мейер был озабочен реакцией королевской семьи, Стрейт поспешил в замок, где убедился, что «все альбомы» были уже доставлены [51]. Наследный принц также сообщил ему, что его отец был очень доволен. В условиях строгой конфиденциальности Стрейту доверили новость, что Его Величество имеет намерение чествовать Мейера [52]. Вскоре после этого последовали поздравления Стрейта Мейеру по случаю его награждения греческим Крестом Спасителя.

Кто бы мог поверить, что альбом вызовет сенсацию в Греции [53]. Хотя мало кто мог себе позволить приобрести такой фолиант, в котором в то время могло быть 25–30 фотографий. Мейер определил цену исходя из следующего: на единицу при цене трех марок на печать обычный альбом из 25 фотографий стоил 80 марок, с пятью марками за переплет [54]. Подарочное издание стоило 120 марок — по крайней мере, такую цену пришлось уплатить бывшему президенту МОК Викеласу [55].

Как можно понять из переписки Мейера, фотограф дифференцировал свое общение с клиентами. В то время как он мог позволить

снизить цену для менее состоятельных клиентов только в исключительных случаях, он преданно просил коронованных особ принять как дар роскошные альбомы. Они были задуманы Мейером в качестве подарков — как награда, как он надеялся, за новые знаки отличия, возможно, в форме ордена или медали. Сравнение обратной стороны его фотографий показывает, что после 1896 г. список его заказов значительно возрос.

Кубертен внес вклад в эту тенденцию, начав привлекать Мейера к своим проектам. Он сам предложил найти подходы к парижским посольствам отдельных стран, чтобы увидеть, были бы их монархи заинтересованы в альбоме. Однако приоритетом для него был Феликс Фор. И, наконец, после восьми месяцев ожидания, он мог радостно сообщить Мейеру: «Я имел честь этим утром (полуднем) вручить президенту Франции Ваш прекрасный альбом» [56].

Как услуга за услугу Мейер попросил у него «олимпийскую медаль», под которой он, вероятно, подразумевал позолоченную сувенирную медаль, вручаемую Оргкомитетом в Афинах почетным гостям [57]. Кубертен был вынужден признать, что он не имел никакого влияния на ее распространение. Тем не менее, чтобы отблагодарить, он намеревался отправить Мейеру памятную медаль МОК, выпущенную в ознаменование Парижского конгресса 1894 г.:

Она вручается исключительно тем людям, которые принимали непосредственное участие в Конгрессе. Она уникальная и особенная. Мы решили удостоить этой медали 2-на Виллибальда Гебхардта и 2-на Мейера. Я очень рад послать Вам эту новинку [58].

Очевидно, это было единоличное решение, так как реакция удивленного Виллибальда Гебхардта была следующей:

Тогда я должен поблагодарить Вас за обещанную почетную медаль; я в восторге от этого знака отличия. В случае, если Вы уже выразили намерение представлять вторую медаль господину Мейеру, фотографу, тогда все в порядке. Если нет, то я позволю себе посоветовать Вам вручить медаль наследному принцу Филиппу цу Гогенлоэ, сыну нашего рейхсканцлера, который был первым президентом нашего олимпийского комитета. Г-н Мейер не оказывал большую услугу Олимпийским играм. Он отправился в Афины, чтобы развлечь себя, пофотографировать и попутно заработать деньги. Он послал альбомы князьям для того, чтобы его за это наградили. А он не вложил ни

одной марки в нашу экспедицию, хотя и является богатым человеком. Я надеюсь, что Вы подойдете к этому вопросу весьма конфиденциально [59].

Гебхардт не нашел ни одного доброго слова для Мейера, которому можно было только посочувствовать, когда знаешь, какие понесли усилия по обеспечению финансирования первой олимпийской делегации. Собственное экономическое положение Гебхардта также было катастрофическим — позже оно способствовало его уходу из МОК.

Совпадение или нет? После этого письма переписка между Кубертенем и Мейером, которая до этого момента была оживленной, подошла к концу, причем последний, тем временем, восхищал почти все значимые династии Европы своими олимпийскими альбомами [60].

ПРЕКРАСНАЯ РАБОТА ДЛЯ ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Несмотря на щедрость грека Георгиоса Аверофа, который жил в Александрии и пожертвовал 1,92 млн драхм своим соотечественникам для Олимпийских игр, долг Греции продолжал расти. Как правило, те, кто принимал участие в Играх, включая членов МОК, были вынуждены нести свои собственные расходы. Только один человек, вероятно, получил прибыль — Альберт Мейер.

Тем не менее несмотря на заинтересованность Мейера бизнесом, что так возмущало Гебхардта, он сделал прекрасную работу для олимпийского движения. Без него (и его не столь художественно одаренных греческих коллег) мы бы узнали гораздо меньше об Афинах 1896 года [61]. Нам бы пришлось довольствоваться только письменными отчетами и несколькими рисунками в прессе.

Мейер сколотил свое состояние в значительной степени до Первой мировой войны и инфляции, которая последовала. Он умер в Дрездене в 1924 г., но оставил сокровище из около 60 олимпийских фотографий. Многие пользуются ими по сегодняшний день — в большинстве, не зная, кого они должны благодарить.

Его наследие даже не было тщательно исследовано. В настоящее время известно о существовании только восьми альбомов или альбомных шкапулок [62]. Доказательствами главным образом служат благодарственные письма, в основном составленные слугами, свидетельствующие о том, что, по крайней

Частные лица и организации, которые, как известно, получили фотоальбом или фотошкатулку

Австро-Венгрия	Великий герцог Фердинанд Тоскану	Д-р Георг Стрейт, секретарь Оргкомитета
Бельгия	Король Леопольд II	Полковник Ификратис Коккидис, председатель комиссии по приему
Болгария	Принц-регент Фердинанд I	Олимпийская комиссия по велосипедному спорту
Франция	Президент Феликс Фор	Ференц Кемень, член МОК
	Пьер де Кубертен, президент МОК	Великий герцог Фридрих Франц III
	Граф Александр-Леон Лаборде, археолог	Великий князь Владимир
Германия	Император Вильгельм II	Алексей Бутовский, член МОК
	Принц Фридрих Карл Гессе	Член дирекции музея Российских Военных училищ
	Наследный принц Филипп Эрнст цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, президент Немецкого комитета по участию в Олимпийских играх	Королева Карола
	д-р Вильгельм Барт, редактор	Герцог Эрнст I
	Эмиль фон Херст, редактор	Герцог Альфред
	Герман Вайнгертнер, олимпийский чемпион по гимнастике*	Король Александр I
	Пол Уолтерс, археолог	д-р Милан Медовиччик, секретарь королевского кабинета
	Ханс фон Шверштедт, королевский придворный пастор	Майор Рахнитч, придворный королевский маршал
Великобритания	Энн Дёрпфельд, жена археолога Дёрпфельда	Король Оскар I
Греция	Альберт Эдвард, принц Уэльский	Кронпринц Густав
	Король Георг I	Виктор Бальк, член МОК
	Кронпринц Константин	Центральный институт гимнастики
	Кронпринцесса Софи	
	Принц Георгиос*	
	Принц Николай*	
	Димитриос Викелас, бывший президент МОК	
	Тимолеонт Филимон, генеральный секретарь Оргкомитета	

* Получение альбома под сомнением.

Ордена и медали как реклама на обратной стороне фотографии. Сверху: гербы трех немецких стран, среди которых Королевство Саксония, чьи государи назвали Мейера придворным фотографом. Во втором ряду: призовые медали с выставок в Антверпене (1884 г.), Миннеаполисе (1888 г.) и Париже (1892 г.). Среди них разные награды Мейера, включая Рыцарский крест Ордена Спасителя короля Греции, Офицерский крест короля Сербии и турецкая Медаль за заслуги

Иллюстрация: архив Рюдигера Фритца

мере, 42 были отправлены Мейером, 21 из которых одному императору, королям, герцогам, князьям, княгиням, а также одному президенту.

Возрождая Олимпийские игры Кубертен изначально руководствовался педагогическими целями, но в 1894 г. ему не казалось столь важным иметь фотографические свидетель-

nationality so Perry added the details.

Illustration: Rüdiger Fritz Archive

Входной билет на пятый день Игр – день марафона. Слева вверху можно прочесть слово «Австралия», написанное Чарльзом Перри, землекопом из Лондонского спортивного клуба (LAC), который поместил свой адрес на обратной стороне, возможно, чтобы получить фотографии. Греки пригласили Перри в Афины в качестве единственного хронометриста. Другим членом LAC был двукратный олимпийский чемпион (в беге на 800 и 1500 м) австралиец Эдвин Флэк, который в марафоне вел на протяжении 33 км. Измученному, ему пришлось отказаться от борьбы в трех километрах до финиша. Вполне возможно, что Мейер не знал о национальности Флэка, так как Перри добавил детали

Иллюстрация: Архив Рюдигера Фритца

ства об учредительном конгрессе в Париже. Так что встреча с Альбертом Мейером была необходима для того, чтобы научиться ценить важность общественного признания.

References

- 1 Pierre de Coubertin, *Olympic Memoirs*, IOC, Lausanne 1997, p. 24.
- 2 Bulletin du Comité International des Jeux Olympiques, Vol. I, NO. 1, July 1894, p. 1. In addition to Coubertin, who had secured for himself the office of a General Secretary, other individuals present included the Greek Demetrius Vikelas, who lived in Paris, the Frenchman Ernest Callot, the Briton Charles Herbert, the Italian Count Lucchesi Palli and the American William Sloane. Vikelas was elected President, Callot treasurer.
- 3 Wolf Lyberg, *The IOC Sessions 1894-1955*, IOC, Lausanne 1989, Vol. 1, p. 2.
- 4 28th March according to the Julian calendar, valid in Greece until 1923, which differed by 12 days from the Gregorian calendar.
- 5 Minutes, 2nd IOC Session Athens, 9th April 1896, p. 9, IOC/OSC Archives.
- 6 Letter from Gebhardt to Coubertin, 14th March 1896, in: Carl-Dlem-Institut, *DOKUMENTE zur Frühgeschichte der Olympischen Spiele*, Barz & Beienburg, Köln 1970, p. 83. Gebhardt – perhaps for reasons of modesty or economic weakness – had agreed under the condition that he would represent Germany on the IOC as a "provisional member" until a "more worthy man" could be appointed.
- 7 0509 naveniaInMiou. Что-то на греческом
- 8 Letter from Gebhardt to Meyer, 9th April (28th March) 1896, Rüdiger Fritz Archive (RFA).
- 9 In his letters to highly placed individuals, to whom he offered his photo albums of the Athens Games, he often used the expression "Olympic Peace Games".
- 10 Postcard from Wolters to Meyer, 11th February 1897, RFA. Wolter wrote: "The picture of the runner's start and of the discus thrower especially are very instructive for an archaeologist."
- 11 Cf. Peter Frenkel, The successful attempt to freeze movement, in: Volker Kluge (Ed.), 1896 Athens, *The Pictures of the First Olympiad by Albert Meyer and other photographers*, Brandenburgisches Verlagshaus, Berlin 1996, pp. 174-183. Meyer noted this measurement on the back cover of the programme of 29th March (10th April) 1896.
- 12 Ibid.
- 13 Cf. Lyberg. The meetings held on 4th 6th-7th, and 12th April took place in the Hotel Grande Bretagne, where Coubertin was staying. On 4th April Boutovsky, Gebhardt and Guth had not yet arrived, on the 6th April Vikelas was not present. On the other days all seven were present.
- 14 According to information from ISOH member Ove Karlsson, Balck published a chronological report in the newspaper Tidning for Idrott. under the abbreviation "V.G.B.". This appeared until the end of the Games.
- 15 Georg (Georgios) von Streit (1868-1948) was descended from a German aristocratic family. His grandfather, who came from Saxony, had once accompanied the Bavarian prince Otto to Greece, when the latter was crowned king. In 1896, the grandson – a lawyer – was one of the secretaries of the Organising Committee. In January 1914 he became foreign minister but was dismissed following government pressure after eight months when he hesitated to enter the war on the side of Great Britain. Kokkidis (1833-1922), who had been trained at the Prussian War Academy, functioned during the Games as President of the Reception Committee.
- 16 Letter from Gebhardt to Meyer, 9th April (28th March) 1896, RFA.
- 17 Pierre de Coubertin, Timoleon J. Philemon, N. G. Politis and Charalambos Anninos, *The Olympic Games, B.C. 776-A.D. 1896*, Vol. 2, Charles Beck, Athens, H. Grevel & Co., London 1897, pp. 104-108. The English and German texts published in the so-called Official Report in some cases vary. In the English version it states that the Royal Breakfast began at 10 a.m., while in the German report the correct time of 11.30 a.m. is given. In German we read of a 'Dinner', which corresponds to the French 'dejeuner' of the invitation, while in English the expression used is 'Royal Breakfast'.
- 18 In 1896, Amaroussion (Marousi) had only a few hundred inhabitants. It had been linked with Athens by rail since 1885. The initially frightening locomotive was referred to as the 'Beast'.
- 19 After its rebuilding in an altered form the castle on Syntagma Square served as the formal residence of the Royal family until the temporary abolition of the monarchy. From 1929 it became the seat of Parliament during the Second Greek Republic.
- 20 Letter from Orphanidis to Meyer, 25th July 1896, (RFA). The photo was also published in the Official Report, p. 71. A handwritten note by Meyer on the letter reveals the prices. Meyer charged 2.50 Marks per copy. For a further photo of the 100 m start he asked three Marks.
- 21 A German school in 1896 consisted only of the name, as the private establishment founded in 1872 only existed until 1888. To teach the more than 150 German children, there was created in late 1895 on the initiative of the publishers Emil von Hirst and Dr. Wilhelm Barth (1856-1940) a "union to found a German school in Athens", to preside over which they attracted the well-known archaeologist Wilhelm Dorpfeld. As the new school could not be built until the winter of 1897, the children were temporarily taught in the house of the German Society of Philadelphia, founded in 1837, in Homer Street (oMiipou/today the seat of the Goethe-Gesellschaft).
- 22 The Organising Committee, whose official name was "Comité Hellène des Jeux Olympiques".
- 23 Signature list, RFA. Coubertin's signature is however missing – for whatever reason.
- 24 Letter from Streit to Meyer, 10th May 1896, RFA.
- 25 The photo, later frequently reproduced, was first published in the journal Sport im Bild, No. 15, p. 235.
- 26 Austria-Hungary was once a sea power. The in 1833 founded Austrian Lloyd company owned at that time almost 100 steamships, so that it was the largest shipping company in the Mediterranean.
- 27 Der Tag (hmeq), 22nd March (3rd April) 1896
- 28 Certificate of the Organising Committee, Athens, 22nd March (3rd April) 1896, RFA.
- 29 Information from Valentine Tselka, former director of the department 'Historical Archives' in the Athens Benaki-Museum.
- 30 Telegram, arrived 28th April 1896, RFA.
- 31 Ibid, 23rd April 1896, RFA.
- 32 Sportim Bild, Vol. 2, May 1896, No. 20, pp. 310-311, 314-316.
- 33 The film, not even one minute long entitled "La Sortie de l'Usine Lumière à Lyon" (Workers leave the Lumière works in Lyon), was first shown publicly on 22nd March 1895.
- 34 Allgemeine Sport-Zeitung of Victor Silberer, Wien, 1896, Separatdruck.
- 35 In the list of the illustrations of the Official Report, pp. 118-119, 34 photos by Meyer were marked with a star. There are an additional eight at least which were not certified.
- 36 After the turn of the century Meyer mainly devoted himself to his private pleasures, among them hunting and travel, but after moving to Hanover he also opened a 'Kunststalt', mainly dedicated to theatre photography, but also to portraits of prominent people like General Field Marshal von Hindenburg. In 1901 he went into partnership with the photographer Hugo Julius, who became the sole proprietor in 1913.
- 37 Brandenburgisches Landesarchiv, Rep. 30 Bin C 11770. The Prussian Interior Ministry kept the file from 1887 to 1909. The dossier was produced when Meyer put in a request to be able to use the title of 'Court Supplier' granted by the Duke of Sachsen-Melningen. Despite the foundation of the Reich in 1871, the 25 German federal states, which with the exception of the three free and Hanseatic cities were ruled by monarchs, treated one another as 'abroad', even if there were no frontier fortifications.
- 38 Ibid, reports of 22nd April 1893 and 3rd January 1897. For comparison: the sums corresponded to twenty times the annual income of a German skilled worker.
- 39 Bill from the Pension 'Kroecker', Constantinople, 3rd May 1896, RFA.
- 40 The 'Orient Express', from 1883 owned by the French Sleeping-car Company (Compagnie Internationale des Wagons-Lits/CIWL) connected Paris with Constantinople. From 1888, with the inclusion of the Bulgarian segment, the line was completely usable. In addition there was an express train from Constanta once a week with a through coach to Berlin.
- 41 Pictorialism was an art-photographic style, oriented towards Naturalism in painting and which flourished between 1880 and 1914. Because of the rise in price of the platinum compound it disappeared at the start of the First World War. The glass negatives – often the positives as well – made an intensive finishing process possible. It was this technique that Meyer used for many of his Olympic photos.
- 42 Letter from Coubertin to Meyer, 7th June 1896, RFA.
- 43 Ibid. Postcard from Coubertin to Meyer, 22nd June 1896, RFA. Coubertin's late father-in-law Gustave Rothan, who served Napoleon III inter alia as Ambassador in Berlin and Constantinople, had acquired the former Royal paper-making works in nearby Luttenbach and had it extended as a dwelling.
- 44 Letter from Coubertin to Meyer, 5th August 1896, RFA. The IOC President spoke in this letter of two albums (his was probably an album casket), to which he probably counted in the one he had already received.
- 45 Inspired by the success of 1896, according to Greek ideas Olympic Games were to be held every two years alternately in Athens and in other great cities of the world. According to his plan, supported by Vikelas, the Athens Games were to bear the name "International Olympic Games", the others were presented as "Games of the Olympiad". However after the defeat in the 1897 war with Turkey the 1898 Games were cancelled. On 22nd July 1899 George I promulgated a decree to arrange Panhellenic and Olympic Games in Athens. These were only staged once in 1906.

- 46 Official Report, Vol. 2, p. 5. The photo of the seven IOC members was printed with a completely retouched background.
- 47 Letter from Coubertin to Meyer, 26th August 1896, RFA. The jewellery casket mentioned may have been the same album casket containing 34 photos acquired by the Leipzig Sports Museum acquired in 2003 from the estate of Elisabeth Meyer via her grandson Johannes Gebbing. From Coubertin's recommendation can be assumed that he saw potential for the Olympic Movement in those five countries, for which the monarchs stood. The Prince of Wales was closer to him in age than his mother, Queen Victoria, whom he succeeded in 1901 as Edward VII and first scion of the house of Saxe-Coburg and Gotha. In 1908 he opened the Games of the IV Olympiad in London. Why Coubertin did not want one of the gifts to come to Tsar Nicholas II, but to his uncle Vladimir (1847-1909) is not known – perhaps on the advice of Queen Olga Konstantinova (1851-1926), a cousin of the Russian Grand Duke. Also it has not been proved whether Kaiser Wilhelm II deigned to accept the "jewellery casket", as no confirmation of receipt is extant.
- 48 Ibid, 29th July 1896, RFA. To emphasise the urgency, an unknown hand repeated the request on the fourth page in German. The journal was amalgamated in 1938 with Literary Digest and soon afterwards ceased publication.
- 49 Ibid, 29th October 1896, sent off in Le Havre, RFA.
- 50 Letter from Streit to Meyer, 19th June 1896, RFA.
- 51 It is not known what was understood by "all albums". It is proven that the king, the Crown Prince and Crown Princess Sophie (1870-1932), who was a sister of the German Kaiser, received them. Possibly the princes Georgios and Nikolaos did as well.
- 52 Letter from Streit to Meyer, 4th July 1896, RFA.
- 53 Ibid, 11th July 1896, RFA.
- 54 On a letter from the French archaeologist Count Alexandre-Leon Laborde (1853-1944) of 20, n May 1896 Meyer noted: "on white cardboard 75.-, per volume 5 M." His colleague Pierre (Peter) Mavrocordato (1870-1948), who had written to Meyer from Odessa and who later took part in the excavations in Pompeii, paid 90 Marks for a collection of 30 motifs. RFA.
- 55 Letter from Vikelas to Meyer, 29th August 1896, RFA. Meyer had sent an album to Vikelas in Paris on Streit's recommendation, in which however the two IOC photos were missing. Meyer had them sent to him subsequently, where upon Vikelas give him a cheque drawn on a London bank for 120 Marks.
- 56 Letter from Coubertin to Meyer, 8th February 1897, RFA.
- 57 Cf. Karl Lennartz, Andreas Hofer, Walter Borgers, Olympische Siege -Medaillen, Diplome, Ehrungen, Sportverlag, Berlin 2000, p. 106.
- 58 Letter from Coubertin to Meyer, 19th February 1897, RFA.
- 59 Letter from Gebhardt to Coubertin, 27th March 1897, in: DOKUMENTE, pp. 92-93.
- 60 There is no proof that Meyer had offered albums to the Queen of the Netherlands as well as the monarchs of Portugal, Romania and Spain.
- 61 Apart from Meyer it has been proved that the Greeks Ioannis Lambakis, Nikolaos Birkos, Paul Melas, Nikolaos Pantzopoulos und Ioannis Makropoulos took pictures. There are also exposures by the American Olympic champion over 110 m hurdles, Thomas Curtis, who photographed with a Kodak Personal Camera, which only came on the market in 1895.
- 62 Beside Coubertin's collection is held at the Olympic Museum in Lausanne, and the album casket (see footnote 47) in Leipzig. There are also collections in Sofia (probably from the estate of Prince Regent Ferdinand I), in the Royal libraries of Brussels and Fredriksborg, Denmark, on the Coburg Veste, Germany (from the inheritance of Duke Alfred) as well as in the Benaki Museum, Athens, in which Streit's example is preserved.

¹Газета «Mitteldeutsche Zeitung», Галле, Германия